

**НОВЫЕ
ИДЕИ**

**2 (21)
МАРТ/
АПРЕЛЬ
2023**

НЕОНЛАЙН

**ЛИТЕРАТУРА БУДУЩЕГО,
ДОСТУПНАЯ КАЖДОМУ
УЖЕ СЕГОДНЯ**

**НОВЫЕ
СТИХИ**

**НОВАЯ
ПРОЗА**

содержание номера

Слово главного редактора **3**

Станислав Сахончик **5**

Никита Мальцев **15**

Анна Лухова **20**

Роза Поланская **25**

Антонина Южина **38**

#2 (21); март-
апрель 2022

НЕОнлайн

malo_blg

Альманах-газета Молодёжного Амурского
Литературного Объединения

Благовещенск, 2023

Редакционная коллегия:

А.В. Коваленко

А.А. Юрьева

А.Р. Яхина

В двадцатом номере альманах-газеты читатели продолжают знакомиться с творчеством амурского мариниста Станислава Сахончика, вместе с которым впервые публикуются рассказы Анны Пуховой и Розы Поланской. Из поэзии представляются новые произведения Никиты Мальцева, а также в жанре литературоведения пробует себя постоянный наш автор – Антонина Яхина.

Читайте наши новинки в электронном виде на:

<http://boosty.to/malo.blg>

Номера до №16 в свободном доступе можно найти по ссылке:

<http://amurpoet.ru/neo>

НЕОнлайн : Литературно-творческое издание. — Благовещенск : Молодёжное Амурское Литературное Объединение ; Совет Молодых Литераторов при Союзе писателей России, 2023. — № 2 (21). — 48 с.

Слово главного редактора

В школе, в одиннадцатом классе, у меня произошёл один примечательный случай, отношение к которому двадцать один год назад и сейчас кардинально отличается. В белогорском городском парке по случаю Дня Победы устраивались соревнования школ города. Среди прочих стартов имела эстафета 4х100 метров, которая считается одной из престижнейших в лёгкой атлетике. Наша школа № 11, когда я учился, всегда соперничала за звание лучшей спортивной школы с гимназией № 1. Собственно, именно между нашими сборными и должна была разгореться основная борьба. Но вот незадача: один из наших спортсменов не смог приехать, а потому третий этап оказывался пустым. Учитель физической культуры принимает решение: поставить на этот этап меня.

Старт эстафеты!

Как и ожидалось, две сборные вырываются вперёд, по сантиметрам наращивая преимущество. Я стою на третьем этапе, жду передачи эстафетной палочки. Вижу своего товарища по команде, начинаю разбегаться... И тут он в меня врзается! Я падаю! Быстро поднимаюсь! Начинаю с нуля, стараюсь наверстать... В итоге передаю эстафету вторым. На этом месте наша школьная сборная и закончила соревнование...

После бега я получил подколы от друзей-одноклассников, долю издевательств от одноклассниц и укоризненные замечания от учителя физической культуры. Мне было стыдно. А сейчас думаю, что не должен стыдиться за такой результат! Я к тому времени входил в сборные по футболу и волейболу, играл на достаточно высоком для школьника уровне, имел награды и похвальные грамоты за различные выступления. Эстафету же на соревнованиях 9 мая 2002 года бежал впервые! То, что я после падения собрался и не позволил себя обогнать на финише этапа ещё двум ребятам из других школ, думаю, можно считать весьма хорошим результатом. Бегать-то я бегал, но вот как правильно это делать в эстафете — мне не показали. Опыта нет. Шишек я не набил. Точнее набил, но одну. Или несколько. Не помню!

Казалось бы, при чём тут спорт и вступление к литературному журналу? С пяток лет назад я столкнулся примерно с тем же, что и после эстафеты, в отношении своих литературных трудов. Как и тогда: «бегать-то» умеют если не все, то многие. Я вроде бы «бегаю» лучше большинства, но вот бегать в эстафете правильно не умею. Думаю, то, что я не побоялся набить шишки на ещё, как оказалось, малоизвестном для себя театре литературно-боевых действий, тоже, знаете ли, о многом говорит.

В этом плане альманах-газета «НЕОнлайн» видится мне настоящим местом обучения и тренировок молодых поэтов и прозаиков. Нередко к нам приходят те, кто не то, что бегать не умеет, а просто хочет научиться для начала ходить! И мы все вместе ходим, бегаем, тренируемся, отрабатываем технику. Это сложно. Нередко даёшь обещание «поставить на этап», но видишь: ну, не тот пока бег. Надо ещё потренироваться. Иногда настолько всё выматывает, что хочется бросить и уйти в «другие виды спорта». Отчасти этим и обосновывается некая задержка в выходе номеров: проблемы роста. Ведь, этот номер выходит в месяц двухлетия альманах-газеты. Но мы растём и обязательно вырастем! Вместе с авторами, вместе с читателями, под их любопытным взором, под неусыпным взглядом критиков!

Кстати, 9 мая 2002 года я дебютировал ещё в одном виде спорта: в толкании ядра! Впервые после долгих лет в Белогорске проводили такие соревнования. В нашей школе, сколько я себя помню, «ядерному спорту» вообще не учили, хотя ядра в подсобке лежали. И знаете что? С результатом 13 метров и 9 сантиметров я там тоже занял второе место!

А в конце дня был показательный волейбольный матч между лучшими командами города: школой № 11 и школой № 4. Там мы вынесли соперников «в одну калитку». Возможно, элемент случайности. Возможно, потому что к тому моменту парутройку лет все вместе тренировались три раза в неделю. История об этом умалчивает...

Андрей Коваленко

Станислав Сахончик

@id713686514

ФАКТЫ

Прозаик, маринист.

Член Союза писателей России (с 2016 г.).

В 2017-2021 годах — Председатель Амурского отделения Союза писателей России.

Продолжаем публикацию избранных произведений автора, бумажный подкаст с ним можно найти в предыдущем номере «НЕОнлайн» (№1 (20), январь-февраль 2023).

Страна Монтенегро

На стене моего служебного кабинета уже много лет висит маленький белый вымпел с трёхцветным, похожим на российский, флагом, гербом, изображающим башню на вершине горы и надписью «Срна Гога». Это память о нескольких месяцах, проведённых в маленьком черногорском городке Биела, где наше судно проходило капитальный ремонт на судоремонтном заводе «Велько Влахович».

До этого мы участвовали в нашумевшем подъёме остатков сбитого корейского «Боинга»¹ на Сахалине и обеспечении кораблей восьмой оперативной эскадры в Индийском океане, где пароход изрядно поизносился, оброс водорослями и даже начал периодически дымить трубой. Раздав горючее по кораблям, промыв и провентили-

---

¹ 1 сентября 1983 года авиалайнер «Boeing 747-230В» авиакомпании «Korean Air Lines» (KAL) выполнял плановый межконтинентальный рейс KE007 (позывной — KAL 007) по маршруту Нью-Йорк — Анкоридж — Сеул; его полёт до Сеула должен был проходить над нейтральными водами Тихого океана, но самолёт по неустановленной причине отклонился вправо от назначенного курса. Спустя некоторое время лайнер настолько отклонился на запад, что вошёл в закрытое воздушное пространство СССР, после чего пролетел над Камчаткой (пройдя ряд военных объектов) и затем над островом Сахалин был перехвачен, а затем сбит истребителем Су-15ТМ ВВС СССР в 55 километрах севернее острова Монерон.

ровав топливные танки в Красном море, судно через Суэцкий канал вошло в Средиземное море и затем в Адриатику...

Адриатическое море прекрасно во все времена года, и февраль отнюдь не был исключением: температура воды — плюс двадцать градусов по Цельсию. Бухта возле города Херцег-Нови была окружена высокими горами, у подножья которых теснились нарядные белые дома с красными черепичными крышами, а на входе в бухту угрюмо серели некогда грозные форты старой турецкой крепости Топла. На горизонте выделялась заснеженная вершина горы Ловчен — символа Черногории. Здешний пейзаж вообще поражал всеми оттенками ярких красок и очень походил на красивую открытку, создавая ощущение какой-то нереальности. Так красиво по жизни просто не должно быть! Мы, приученные к скромному обаянию русских пейзажей, к этому долго привыкали. Местные жители называют свою страну на итальянский манер Монтенегро, что означает «Черная гора»...

Якорь с плеском вошёл в лазурную, без морщинки, гладь внешнего рейда живописной Которской бухты, стих гул машины, и звенящая, непривычная тишина надолго поселилась в каютах и кубриках. Закопчённые заводские буксиры аккуратно ввели судно в плавучий док, закрылся батопорт, насосы откачали воду, и корпус танкера грузно повис на кильблоках. Было немного странно и непривычно видеть громадное перо руля и бронзовые лопасти гребного винта, изъеденные коррозией пластины катодной защиты и густую «бороду» тропических водорослей и ракушек на корпусе — всё то, что всегда находится глубоко ниже ватерлинии и недоступно глазу.

Первая неделя незаметно прошла в обычных ремонтных хлопотах и взаимных знакомствах. «Юги» оказались весьма дружелюбными, свойскими мужиками, некоторая несхожесть языков абсолютно не мешала взаимному общению, а обнаружившаяся их типично славянская склонность к потреблению спиртного наталкивала на всякие грешные мысли. Одно омрачало бытие — не было увольнений в город, не было денег, а мы, долго пробыв в море, здорово тосковали по земле и просто рвались на сушу. Тем более что жить приходилось на судне, стоящем в доке, без камбуза и отопления. Народ начал просясь на берег. Капитан скрепя сердце всё же разрешил половине экипажа сходить искупаться на маяк. С того дня и начался отсчёт нашим приключениям...

Купание красных моряков

Сходящие на берег были собраны в столовой экипажа, до слёз проинструктированы помполитом² Леонтьичем о правилах поведения за границей, получили сухой паёк и радостно галдящей толпой ринулись к трапу. У трапа стояли я (поскольку в этот день был вахтенным помощником) и капитан, уже заранее обеспокоенный последствиями увольнения (он слишком хорошо нас знал). Капитан исподтишка показал кулак двум штурманам, чересчур бурно радовавшимся предстоящему свиданию с берегом, и тяжело вздохнул. Мы проследили за тем, как шумная толпа моряков, с двумя гитарами и магнитофоном, миновала заводскую проходную и в быстром темпе потянулась в сторону маяка.

— Доктор, возьмите мой бинокль и с сигнального мостика проследите за нашими. Ежели кто зайдёт по дороге в магазин — сообщайте сразу, — сказал капитан перед уходом. — Не дай бог, спиртно-го купят да напьются! Оскандалимся же на всю Европу.

— Так у них же денег ни динара нет, Владимир Сергеич, на что брать-то?

— Эти найдут на что, — обречённо махнул рукой капитан и скрылся в каюте.

Я взял на мостике капитанский 15-кратный бинокль и посмотрел в сторону маяка. Судно возвышалось над доком метров на десять, и весь городишко Биела был как на ладони. Народ, дойдя до маяка, разлёгся на камнях позагорать, а кто посмелее — уже залезли в воду. В магазин никто не бежал, о чём я с сознанием выполненного долга и доложил капитану. Кроме того, нашлись более достойные объекты для наблюдения: в солариях окрестных отелей загорала «топлесс» масса аппетитных особей женского пола в самых различных позах. Купаться никто из местных и приезжих не рисковал — всё же февраль, температура воздуха всего-то плюс двадцать два градуса, что по местным меркам явно не сезон. Насладившись зрелищем томно загорающих дам, я с сожалением положил бинокль обратно и поплёлся заниматься обычными дежурными делами. Надо было наблюдать за сварщиками, позаботиться об обеде, да и вообще у вахтенного помощника всегда масса самых разных занятий. Кроме того, сам Леонтьич, пыхтя и отдуваясь, забрался на сигнальный мостик и оттуда в

---

² Помполит — помощник капитана по политической части.

бинокль, словно адмирал Нельсон³, озирает окрестности маяка — страховался. Однако всё же не уследил! Видать, тоже на пышные дамские прелести отвлёкся наш политический вождь.

День заканчивался, и вскоре из увольнения должны были вернуться наши. И они вернулись вовремя. Но как! Нестройная колонна, пошатываясь и оглашая окрестности разнообразным пением, тащилась, перемешавшись с местным населением (тоже активно подпевавшим), подошла к воротам завода, которые сразу гостеприимно раскрылись во всю ширину, и направилась к плавучему доку. Всё это здорово смахивало на Первомайскую демонстрацию где-нибудь в глубине России. Потрясённые капитан с Леонтьичем молча созерцали «восползание» личного состава по многочисленным трапам дока на палубу танкера. Черногорцы снизу орали «Живео Русия!» и махали руками — прощались. Народ кое-как разошёлся по каютам, а с командным составом начался «разбор полётов».

Выяснилось, что черногорцы, здорово удивившиеся, что наши купаются в такую холодину (море прогрелось только до двадцати градусов — по их понятиям, очень холодно), быстренько притащили на маяк «для сугреву» несколько бутылей сливовицы и бочонок домашнего вина. Слабые возражения на эту тему просто не принимались, а разговор об отсутствии денег вообще был воспринят как личное оскорбление. Началось лёгкое застолье, плавно переросшее в бурную демонстрацию истинно славянской дружбы, с распеванием русских песен под гитару. При этом некоторая несхожесть языка абсолютно никого не волновала. За компанию, под восхищённый визг девчонок, искупались и несколько местных хлопцев.

«Купание красных моряков» удалось на славу — все участники огребли по выговору, зато местное население чрезвычайно зауважало «русску марнарницу» за морозоустойчивость и широту души, и все последующие шесть месяцев ремонта мы прожили почти как у себя дома.

---

³ Горацио Нельсон — британский флотоводец, вице-адмирал. Командуя английским флотом, 21 октября разгромил франко-испанский флот в Трафальгарском морском сражении, в котором был смертельно ранен французским снайпером в первый день битвы.

Подвиг парторга Васи

Крановый механик Василий Сергеевич Суходеев был мужик серьёзный, малопьющий, по партийной линии взысканий не имевший. С «политотдельскими» офицерами Вася благоразумно не ссорился, занятия посещал исправно, конспекты ленинских работ вёл регулярно, политику партии понимал правильно. Судовые краны и грузовые стрелы содержал в исправности и, кроме платонической, неразделённой любви к буфетчице Тане, недостатков у него не было. В общем, с подачи начальника политотдела бригады Васю единогласно избрали судовым парторгом⁴.

При всей положительности Васиной природы его существенным недостатком было почти полное отсутствие чувства юмора. На грубоватые шутки и подначки, неизбежные в морском мужском коллективе, он реагировал неадекватно — искренне обижался, чем только поощрял шутников. А поскольку повод подшутить над ним всегда находился, Вася часто ходил надутым.

В увольнении на берег мы сходили, как тогда было положено на военном флоте, группами по пять человек под командой старшего и «до слёз» инструктировались помполитом по поводу всевозможных провокаций со стороны агентов мирового империализма. Поэтому наши походы на берег, особенно вначале, часто напоминали вылазку группы глубинной разведки на территорию противника. Потом-то, конечно, по привычке и перестали всех опасаться, но из-за незнания европейских обычаев стали попадать в разные истории.

Однажды Вася, будучи старшим группы увольняемых матросов из боцманской команды, поехал на автобусе по побережью, решив после вахты искупаться на одном из живописных маленьких островков Которской бухты. А островок-то, как после оказалось, был совсем непростой: на курортный сезон его арендовали французы под нудистский пляж. Ничего не подозревавшие морячки взошли на рейсовый ферри-бот⁵ и поплыли на остров. Сойдя на берег, купили билеты, сняли одежду в раздевалке и через дверь в ограде прошли на пляж. И тут-то началось...

---

⁴ Парторг (партийный организатор) — многозначный термин, использующийся в контексте деятельности политической партии.

⁵ Ферри-бот (от англ. «ferry» — перевозить, «boat» — лодка) — лодки предназначены для транспортировки людей и грузов из одного берега на другой.

Увидев толпу совершенно голых мужчин и женщин, ребята, конечно, подрастерялись, тем более что охранники сразу же попросили их снять плавки, как это принято в подобных местах (в плавках ходит только охрана). Матросы быстро выполнили команду, но, увы, закономерная физиологическая реакция молодых, изголодавшихся в море организмов заставила их плюхнуться животами в песок и отвести глаза куда-нибудь подальше. А вот Вася плавки снимать категорически отказался. Ишь, мол, лягушатники, чего захотели! Партийный орган им покажи!

Разумеется, голозадая французская общественность была глубоко возмущена такой вопиющей бестактностью, и наших морячков быстренько с пляжа, что называется, «выперли со свистом». Ребята с горя в ближайших кустах «уговорили» литровую бутылку «Звечеву бренди» и прибыли на пароход к вечеру слегка навеселе. Никого это, в принципе, особенно не взволновало, если бы не история с пляжем, о которой Вася, как честный человек и коммунист, вечером доложил капитану.

Партийная организация судна в глубокой задумчивости собралась в каюте помполита обсудить «текущий момент». Что-то надо было делать, но что — никто и не знал. Грозившую затянуться патовую ситуацию разрядил «особист»⁶, капитан-лейтенант Женя Максимов, прикомандированный к нам на период ремонта для защиты от происков агентов буржуйских спецслужб. Он числился на судне четвёртым помощником и для конспирации отрастил в море курчавую пышную бороду, за что местные черногорцы его шибко уважали. Кроме того, Женя обладал незаурядным умом, тонким чувством юмора и чисто чекистским умением оперативно «разрулить ситуацию».

— Сергеич, э-э-э, у тебя плавки-то какого цвета были?

— Да красные!

— Ну вот, не мог же ты, понимаешь, красный флаг перед идеологическим противником спустить. Так что правильно и сделал, что не снял! Ну их, этих извращенцев!

В каюте помполита грянул хохот. Ситуация судовым начальством была понята и оценена правильно. Репутация парторга Васи была спасена, но народ ещё долго потешался над матросами, смакуя подробности описания голых француженок и нудистских порядков. Со-

---

⁶ Особист — сотрудник особого отдела, внутреннего органа безопасности армейских и флотских структур.

шлись на том, что француженки уж больно тощие и визгливые, а лучше и добрее русских женщин никого на свете просто не бывает.

Леонтьич и басмачи

Пароход вывели из дока и ударными темпами начали ремонт палуб и надстроек. Естественно, что вся команда тоже яростно счищала ржавчину, грунтовала и красила. Все, включая капитана, ходили в перемазанных краской комбинезонах, увольнений не было, на берег сходили редко, в основном по делам. Удавалось изредка сбегать в кино в маленький кинотеатр по соседству.

Югославы жили по европейским правилам — раскрепощённо, фильмы были тоже не совсем такие, как в то время у нас, значительно более откровенные. Причём ограничений по возрасту никто не соблюдал. И тут вдруг с первого мая кинотеатр закрылся на ремонт, фильмы стали показывать в открытом зале на территории старой крепости, да ещё и с десяти вечера. Народ взвыл — без культурной жизни стало уже невмоготу. Под давлением общественности капитану пришлось разрешить нам сходить в кино, но только под руководством помполита и то на какой-нибудь военно-патриотический фильм (где бы его ещё и взять?). Перестраховывался кэп, знал, чем это может обернуться! Осталось только дожидаться подходящего фильма. А их, как назло, и не было.

Завпрод, закупавший в магазине продукты на камбуз⁷, принёс ежедневную газету «Миестна заедница» (которую мы для краткости именовали «Задницей»), в которой было написано, что в крепости будет фильм «Чёрные пески» и хроника про битву партизан с усташами⁸ на реке Неретве. Народ воспрянул духом — вроде подходит, название нейтральное. Сразу собралась делегация к капитану.

Тот, прекрасно помня, чем закончилось коллективное купание

---

⁷ Камбуз (нидерл. «kombuis») — помещение на судне, соответствующим образом оборудованное и предназначенное для приготовления пищи (кухня).

⁸ Усташи (хорв. «Ustaše») — восставшие, повстанцы) — хорватская фашистская ультраправая, националистическая, клерикальная организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии. Опираясь на страны оси, в первую очередь на Германию и Италию, усташи во многом копировали их внутреннее устройство и идеологию. В их взглядах выделялись сербофобия и антисемитизм, а также ряд теорий, призванных оправдать территориальные претензии. Усташами был организован геноцид сербов, евреев и цыган.

на маяке, сразу начал упираться: мол, неизвестно что за кино. Кликнули завпрода — тот поклялся, что фильм про басмачей из Каракумской пустыни, киностудии «Узбекфильм». Кэп недоверчиво сощурился:

— А ты-то откуда знаешь?

— Дык, это, тащц капитан, в «Заднице» так было написано! Каракум — чёрные пески и значит! — не моргнув глазом, подтвердил завпрод.

— Ну ладно, чёрт с вами. Пойдут пятнадцать человек. А вы, товарищ первый помощник, — официально обратился капитан к Леонтьичу, — пойдёте старшим. На всякий случай!

— Есть! — грустно ответил Леонтьич, предвидя очередную неприятность от горячо любимой команды.

Вечером дружная компания моряков уже восседала в креслах летнего кинотеатра. Помполит Леонтьич сидел в середине, подпираемый со всех сторон дюжими мотористами. Зал, несмотря на позднее время, кишел малышнёй. Пока шла военная хроника, Леонтьич сидел спокойно. Потом пошли титры фильма — восход солнца на фоне голы женской попы (кино-то было про похождения мамы с дочкой на испанском курорте «Чёрные пески»). Леонтьич, не увидев горячо ожидаемых каракумских басмачей и верблюдов, тоскливо огляделся и, не найдя возможности дезертировать, начал шёпотом материться, глядя на чинно сидящих, невозмутимых мотористов, со всех сторон закрывавших ему выход. Поняв безнадежность ситуации, Леонтьич успокоился и начал с неподдельным увлечением смотреть на экран, где полуголая мама своими пышным формами обольщала пожилого миллионера.

Фильм закончился, оживлённые ребята, обмениваясь комментариями, собравшись группой, дождались Леонтьича. Тот, выйдя последним, напустив на себя серьёзность, сказал: «Ну, блин, я вам этих басмачей ещё дома припомню!» — и показал кулак ухмыляющемуся завпроду.

Кэп, разумеется, обо всём узнал, неожиданно развеселился и походы в кино разрешил, однако ещё долго «прикальывался» в кают-компании по поводу Леонтьича, невольно возглавившего культпоход на «порнушку». Он всегда был нормальным мужиком, наш капитан!

Сто пятьдесят процентов

Я сижу в кают-компании и вяло пишу гуашью на кумаче лозунг «Выполним план ремонта на 150 %!». Писать и рисовать всякую всячину — это моё старое хобби, ещё с института, которое постоянно эксплуатируется помполитом Леонтычем в своих корыстных, далеко идущих политических целях.

Рядом на диване, закинув руки за голову, лениво возлежит Динко — заводской пожарник Дино Козулич (мы его зовём для удобства Козлевичем), мой постоянный оппонент по политическим спорам. Динко — внешне типичный представитель местной «отрицаловки», основное кредо его декларируется им весьма незамысловато: «Най-главнейше в жиче ест пича, фича и новци, а политика — то е курво!», что в вольном переводе с сербо-хорватского означает, что главнейшее в жизни — это женщины, машины и деньги, а политика — дело весьма нехорошее. Он носит курчавую бороду и длинные волосы. Динко очень интересуется Россией, неплохо говорит по-русски и активно осваивает нашу ненормативную лексику, коей обильно уснащается разговорная речь моряков танкера во время ремонта. Надо сказать, что Динко достиг на этом поприще немалых успехов и уже активно вступает в диалоги с нашим боцманом, потрясая своих соплеменников незаурядными познаниями. Дело в том, что сербохорватская матерщина выглядит на фоне нашей очень бледно и невыразительно и зачастую слабо доходит до объекта воздействия. Динко же, гоня нерадивых сварщиков, роняющих искры где попало, выражался по-русски хотя и с акцентом, но очень доходчиво и, что для гордых горцев немаловажно, необходимо.

А ещё он страсть как любит задавать всякие каверзные вопросы.

— Доктор, а как можно план выполнить на сто пятьдесят процентов? — невинным голосом, глядя в подволок, интересуется Динко. Опять какую-то пакость готовит Козлевич, не иначе.

— Ну как, как! Поднапрячься, изыскать внутренние резервы!

— А откуда могут быть резервы? — нездорово оживляется он. — У нас же всё рассчитано. Вот тебе на каюту надо ровно шесть квадратных метров линолеума, это мне Йозо сказал. Как же он тебе план перевыполнит, а? Одну банку клея ему дал мастер утром — как раз на каюту. Так что у тебя сто пятьдесят процентов точно не выйдет, — злорадствует Динко.

Всё-таки нудные они люди, эти европейцы! Всё посчитано, до-тошно выверено, никаких случайностей быть не должно. Тоскливо, не то что у нас. А самое-то обидное, что он вообще-то прав! Крыть нечем — достал-таки Козлевич! Сейчас я его шугану, экономиста хренова!

— Дино, вучкин курац, на баке пожар! — кричу я, показывая в иллюминатор на палубу. На баковой надстройке точно что-то слегка дымится, и Динко, матерясь по поводу сварщиков, исчезает, громыхая тяжёлыми армейскими ботинками. Дискуссия отложена до следующей встречи.

Однако следующая встреча состоялась нескоро. На границе с Албанией, у озера Шкодер, была какая-то заварушка, «юги» начали призывать резервистов, отовсюду на сборный пункт деловито, без шума и воплей, потянулись серьёзные люди, одетые в чёрное и зелёное, в походной амуниции, с ранцами и касками (полевая форма у резервистов хранится дома).

Среди них я с удивлением обнаружил и одетого в форму лейтенанта флота Дино Козулича, садившегося на заводской катер, набитый моряками-резервистами и следующий на военно-морскую базу в Тивате, которая находилась на другом берегу залива. Он был без бороды, коротко пострижен, непривычно элегантен и необычно серьёзен. Непростой ты парень, оказывается, пожарник Козлевич! Вот тебе и «пища-фича»!

И всё же, брат Динко, хреново ты нас, русских, знал! План ремонта нами был-таки перевыполнен, аж на сто тридцать процентов, сэкономлено для родного отечества сто тысяч долларов, изыскана масса внутренних резервов. Что с нас взять, с азиатов?! Не были мы тогда обучены европейской экономике. Кстати, нам от всей этой благодати перепало по почётной грамоте на красочных бланках за тридцать пять копеек и снятие ранее наложенных выговоров, за что мы Родине были безмерно благодарны!

Никита Мальцев

@nekkek228

ФАКТЫ

Активнейший участник различных молодёжных мероприятий и открытых микрофонов.

Судя по времени, когда он публикует свои стихи во ВКонтакте, он — ночной романтик.

ЦИТАТЫ

«Русский поэт Никита Владимирович...»

Под ночным фонарём

I

Я скажу в октябре —
Было холодно мне
Под безмолвным закатом
Бездушной зари.
Дорогая, родная,
Сломал я преграды,
Что были снаружи,
Что были внутри.

II

И то, что начало
Дождинкой встречало
В центре Казани
Под фонарём,
Наполнено счастьем,
И даже ненастьем —
День что не будет,
Лишь октябрём.

Это было всё в Казани

Это было всё в Казани над вечернею рекой —
Я шептал стихи той даме, что написаны не мной.
Что-то было там такое: «...Для тебя цветы забрал...».
Всё же знал... прогулка эта не похожа на финал.
Может, всё же есть надежда, может что-то всё же быть...
Может, мне писать об этом, а не попросту ныть.
И с красавицей в Казани попрощаюсь навсегда.
«...Приезжай ещё, Никита!» — не приеду никогда.

Четыре утра

Я засыпаю в четыре утра.
До этого жизнь — всего лишь игра —
Вечным узором вбивается в сердце,
Жжёт очень сильно остреньким перцем,
Бьёт молоточком, да по коленке,
Я будто расстрелянный прямо у стенки,
Я будто бы смелый... патрон холостой,
Всё выживаю, при этом простой,
Смеюсь, улыбаюсь, ведь это игра.
И я засыпаю в четыре утра.

* * *

За окном ничего...
А ставни, как веки.
И будучи дома,
Хочу я домой.
А жизнь быстротечна,
Как будто бы реки.
И всё чего жду я —
Обычный покой.

Недоступное счастье

Ах, счастье моё...
Что моё счастье?
Сколько же стоит оно?
Чтобы для жизни
В миг стало частью,
Как для кольца
Серебро.

Жизнь её любит,
Но не взаимно.
Так получилось...
Увы, не сошлось.
Ах, счастье, ты, счастье,
Как ты невинно!
Жаль в твоём сердце
Мест не нашлось...

Внутренний мир

Лишь заразой проникая,
Дивной смертью
В круг души,
Где себя совсем не зная
Где лишь мысли —
Только вши.
Где никто не даст ответа
На поставленный вопрос,
Ни прощания, привета
В мире только из заноз,
Где разлуки и печали,
Сердце выпрыгнет в окно.

Только смерть одну встречаем
В мире, где нет никого.

Город

Звёзды холодные
Синего цвета,
Крыши седые,
Дома,
Где люди голодные
Ходят без света,
Где медленно сходят
Люди с ума.

Ночь

Как будто бы в небо
Разлили чернила,
Оставшейся краской
Создали Луну.
И рыжие звёзды
Разбросаны мило
По карте планеты,
Ища лишь одну.

Шуточное альфонское

Ты работай.
Буду счастлив
Жить с тобою
Без тебя.
Что же значит?
— Это значит,
Что доходы
Лишь с тебя.
Не дано, пойми,
Работать,
Руки не хочу
Марать.

Не для этого
Я создан.
И моя любовь —
Кровать.
Буду спать,
Тебя встречая
У порога иногда,
Пусть во сне,
Во снах летая,
Даже там
Люблю тебя.

* * *

На олово
Голову
Бросивший
Смело,
Как якорь
Корабль,
И с треском затей
В море тяжёлое
И беспросветное,
Где не узнать
Мне было людей.

Дальше холодное
Слёзное море
Билось волнами
О волны идей;
Встану я в утро,
Нервный
и сонный,
Встану ненужный
Толпам людей.

Анна Пухова

@id275375983

ФАКТЫ

НОВОЕ ИМЯ

Профессиональный журналист.

Ценит в жизни красоту и искусство, а в людях — юмор и жизнелюбие.

Признаётся, что слушает только себя, потому что другие — это только другие.

Заборы

Всё началось с забора. А точнее, с его возведения.

Мы с братом очень хорошо помним тот день. Отец пришёл с работы и уселся ужинать. На нём была тёмная от пота клетчатая рубашка и синие брюки. Высокий, прямой и жилистый, он всегда вызывал в нас трепет и восхищённое: «Вырасту, буду, как папа!».

Брат обыкновенно добавлял: «... или как мама!». И мы покатывались со смеху, представляя, как один из нас будет таким же маленьким, белокожим и сдобным. «И с таким же голосом!» — срываясь на сиплый писк и уже изнемогая от смеха, валился на землю брат. Я тоже не выдерживал и, как подкошенный, с почти остановившимся от смеха сердцем падал рядом.

Фокус был в том, что голосок у нашей мамы был на редкость чистым и мелодичным, словно звуки флейты. Она рассказывала, будто у её семьи индийские корни — отсюда певучесть. Но откуда такая чистота и красота тембра? Когда мама заговаривала, было полное ощущение, что из уст её лилась песня. Люди, не знавшие её близко и не привыкшие к этой особенности, иной раз просто «выключались» из разговора, переставая воспринимать смысл слов. Они просто слушали голос! И дивились тому, как он преображал пространство вокруг и делал прекрасной, в общем-то, ничем не примечательную женщину.

Но представить, что такие же звуки будут издавать во взрослом возрасте наши глотки — было выше человеческих сил! И мы корежились от хохота, втайне гордясь своими мальчишескими басками, которые взрослые уже именовали «как из погреба».

В тот вечер отец был необычно замкнут и сух. Чувствовалась с его стороны даже не враждебность, а скорее какая-то отчужденность. Он быстро ел. Мало говорил за столом. И старался не встречаться с нами взглядом. Мы с братом, привыкшие к его открытой улыбке и шуткам, чувствовали себя неловко. Будто что-то третье, не особенно грозное, но липкое и неотвязное, забрало его в сети. Впервые мы увидели его неприятным.

Покончив с ужином, отец встал и, поблагодарив маму (он всегда целовал её в лоб), повернулся к нам, стараясь выглядеть воодушевленным.

— Ну что, братцы, есть желание закатить стройку?!

— Да! — воскликнули мы ему в тон и тут же почувствовали собственную фальшь.

— Тогда вперед! Будем строить забор!

— Чего? — недоуменно уставились мы на него.

— Чего-чего! Забор!

— Ну зачем ты так?! — укоризненно запела мама — Через два дня вы с Виктором помиритесь, а этот уродец останется стоять! И я буду ходить к соседям через калитку. Ты еще цепного пса заведи... Ага!.. От соседей!

Последние слова сопровождались искристым смешком. Мы с братом тоже заулыбались. Правда что! От соседей отгораживаться?! От тех самых соседей, что в любую минуту готовы примчаться на помощь. И не важно, какая беда тебя постигла: взвыл от боли, упав с дерева, не может родить кошка или просто узнали, что родителей нет дома и тебя идут кормить или забирают к себе с ночевой. Да и мало ли что ещё. А тут забор! Понятно, что отец шутит.

Но он не шутил. И не смеялся вместе с нами. Он стоял, отвернувшись к окну, и смотрел во двор. А когда наше веселье поутихло, обернулся и сказал, глядя поверх маминой головы:

— А про пса ты это верно сказала.

И мы посмотрели на него, как на чужого.

Однако в тот вечер мы действительно вырубали и выкорчевали деревья, на месте которых позже вкопали первые столбы. А в течение недели построили аккуратный высокий забор, с которого всё началось. И всё закончилось.

Внешне ничего особенного в наших отношениях с соседями не изменилось. Да только... Вскоре мы с братом заметили, как в доме зазвучали фразы, что могли показаться обидными отдельным людям из-за их национальности.

Мир раскололся на «нас» и «тех, кто за забором».

Удивительно изменились и родители. Они стали меньше говорить друг с другом. Почти перестали ходить в гости к тем, кто за забором. И приглашать соседей к себе.

Забор стал их оправданием.

И только нам, детям, он чертовски мешал! Однако вскоре выход был найден. С разрешения отца мы пропилили в заборе окно и устроили шалаш «на два хозяина». Одна половина шалаша — на нашем участке, другая — на соседском. Денно и ночью перемещались мы по этому «переходу», существуя параллельно миру взрослых.

Да! И пса мы тогда тоже завели. Однако рос он с нами и звали его Мультик. Наверное, поэтому был он самым доброжелательным «человеком» в округе. И был поистине всем рад! Отец часто сетовал, что, если на нас нападут, лаять и кусаться придется ему. Ибо от нашей троицы толку — ноль!

С тех пор прошло чуть больше двадцати лет. Мы с братом давно выросли, завели собственные семьи и стали, как папа. И все же чуточку — как мама...

Родителей и Мультика уже нет на свете. Остался только дом с первым в нашей жизни забором.

От поколения родителей нам с братом вообще досталась страна заборов. И мы по какой-то неясной инерции продолжаем жить отгороженными друг от друга, от соседей, друзей, детей, зверей. Мы упорно продолжаем быть несчастливыми людьми. И ведь всё понимаем! Что это? Глупость? Привычка? Лень?!

Ведь если разобраться, чего мы, собственно, такого прячем за трёхметровыми заборами? Что за сокровища такие несметные таим? И есть ли они у нас, эти самые сокровища? И какого такого врага опасаемся, возводя на территориях «усадеб» вышки с автоматчиками?! Или наша жизнь постепенно и неуклонно превращается в зону? Мы радостно выстраиваем себе тюрьму, где изнываем от одиночества и угрызений совести?

Когда я всё это вижу и на минуту задумываюсь, очень хочется крикнуть «Караул!». А потом повернуть оглобли назад, если ещё не поздно.

У меня двое сыновей: одному десять, другому семь лет. И сегодня я пришел домой с одной единственной мыслью. Не знаю, как я буду убеждать жену... И надо ли! Я — взрослый мужик, которому есть что терять и есть что беречь. Я не идиот. Но мне осточертели заборы! Поэтому сегодня я начну с того, что стану разбирать забор своего дома. Я постараюсь вернуться к точке входа моей семьи в эту войну всех против всех. Высокпарно?! Пожалуй, что да! Но вот что интересно: в дореволюционной России даже вокруг царских дворцов никогда не возводилось оградений. Никогда! Любой человек мог заглянуть в парадные покои дворца и увидеть, что там происходит. Государь и его семья всё время были на виду. Сама жизнь их должна была служить примером для подданных. И служила... До императрицы Александры Фёдоровны. Она, будучи женщиной патологически тревожной, распорядилась о строительстве оград во всех императорских резиденциях. Иногда, мне кажется, что это в широком смысле, главное, чего не смогли простить императорской семье. Так, сами того не ведая, Романовы сделали решительный шаг к дому Ипатьевых.

Я наткнулся на эту информацию случайно и «заболел».

Выходит, всё верно, и простой, казалось бы, поступок может повернуть ход истории на сто восемьдесят градусов. Но, одновременно, это же означает, что противоположный выбор даёт возможность возврата к нужному направлению. И попытка здесь действительно не пытка!

А потому, с сегодняшнего дня, я сантиметр за сантиметром буду открывать свою жизнь другим. И если меня обкрадут, пусть так — значит заслужил! Но зачем красть, если я ничего не прячу? Можно просто попросить, и я отдам то, что могу отдать без вреда для своей семьи. Идеализм, наверное, всё это, но мне так хочется верить, что всё ещё можно изменить!

И ещё очень хочется, чтобы через десять, двадцать, тридцать лет мои «роковосцы» написали на чистом листе бумаге: «Всё началось с заборов. А точнее с их разрушения». Это будет означать, что нам хватило ума и любви передать детям страну свободных людей и открытых дверей. Такой, какой она была когда-то в нашем с братом детстве. Хотя бы отчасти.

А на месте забора посадим деревья и вернем хоть что-то этой земле. Так мы с братом решили!

Роза Поланская

@rozo4kam

ФАКТЫ

НОВОЕ ИМЯ.

Считает своими родными городами Биробиджан, Хабаровск и Камышин.

Проживает в Поволжье.

Лауреат и дипломант всероссийских конкурсов.

Публиковалась в разнообразных изданиях по всей стране.

Участник литературной резиденции АСПИР 2022 года в городе Пятигорск.

Пробел

Я открыл глаза.

— Привет, — Олег помахал передо мной рукой. — Как ощущения?

Я даже не пытался ответить. Хотел осознать себя внутри вот этого стального тела.

Что с памятью? С какого возраста себя помню?

Так, зима, снег скрипит под ботинками и сверкает в неоновых искрах рекламных плакатов. Раннее утро, я крепко цепляюсь за мамину руку. Мама — очень большая. Я беззащитен без неё. Она ведёт меня в школу для трёхлеток. Это было ещё до кибервойны.

С памятью — норм. Со зрением, вроде, тоже. Изображение, конечно, не человеческое, но сносное. Немного напоминает графику компьютерной игры — картинка местами лагает и подрагивает. Но в целом, ничего, жить можно.

Я опустил голову и взглянул на стальную кисть, лежащую на подлокотнике стула. Указательный палец произвольно шевельнулся. Я попытался поднять руку и сжать кулак.

— Грозишься? — усмехнулся Олег и нажал на пульт.

Занавес открыл сферическое окно, и я попытался зажмуриться от яркого света.

— Не, не так, — возразил Олег, — хочешь уйти в «дед ин-сайд», введи схематичный код вот сюда, — и Олег ткнул на внутреннюю сторону запястья. — Давай, скажи чё-нить. Как бы тебя спровоцировать? — и Олег склонил голову набок, напомнив кота из детства.

Котов давно не было, а жаль.

— Как чувствительность? — и я ощутил удар по предплечью.

И следом — будто железо врезалось в голову.

— Ну да, — качнул головой Олег. — 3D-скан нервных окончаний — офигительная штука, скажи?

Конопушки на носу Олега виделись отслоёнными от кожи.

— Мать знает? — выговорил я — это получилось легко, без усилий, как-то само собой — как в новом гаджете на автомате понимаешь суть.

Голос показался грубым и немного механическим, местами каркающим и шелестящим пакетом. Но я знал, что для людей он слышится обычным, человеческим.

— Сам скажешь.

Да такое самому не просто принять. Ладно, в старости, когда тело отслужило — перенесение сознания в голову робота — норма. Но не сейчас, не в тридцатник. Чёрт потянул ввязаться в ту перестрелку...

— А каркает чё?

Олег нахмурился, листая экран.

— А, ты про восприятие звука? Привыкнешь. Через месяц-другой ворона вылетит из башки. — Олег рванул на крутящемся стуле к другому висящему дисплею. — Да шучу, шучу. Нормализуется потом. С настройками через неделю сверимся. Попривыкни чутка.

Олег подъехал ко мне на стуле, его конопатое лицо оказалось прямо передо мной.

— А графика как? — кивнул он.

— У тебя губы синие и рожа сбоку плоская.

— Губы? А-а-а-а, — понял Олег, — это к моей вороне.

Но я чувствовал пробел. Выпавший кусок занимал приличное место. Не знаю, как я это понял.

— Сколько там? — И я пальцем на свою новую голову показал. — Тысячи две будет терабайт?

— Больше, дружище. Не боись, про IQ — никому.

Олег стучал пальцами по белому пластиковому подлокотнику.

Э, нет, брат. Не так что-то.

Пробел в карте неприятно зудел. Я понимал, что никакого зуда нет. Чёрт знает, откуда взялось это белое, уничтоженное. Кем? Олегом? Чей приказ подчистить оцифрованное? Нейронная активность будто препятствие находила, затухала, змеей изгибалась. Несоответствие.

— Чего ты? — нахмурился Олег, выглядывая из-за висящего прозрачного дисплея.

— Форматнул чё-то, Олежа? — подался я вперед и стальные локти на колени положил, пальцы рук сцепил — без скрежета, но с карканьем.

— Я себе работу не хочу усложнять — это же как с квантовыми частицами возиться — ювелирка не для штабника, — бросил Олег, не выползая из экрана — не выглядывал из айтишной засады. — Я музло там тебе загрузил. На свой вкус.

— А на мой?

— А у тебя его нет. Может, поменяется чё. Приобщаю к прекрасному.

Потом, уже выйдя за ворота, я обернулся. Накрапывал дождь, иглами выстукивал ритм по железной черепушке. На стеклянном здании висела надпись «ЗАСЛОН». Заглавными буквами. Когда-то никто не верил в квантовые компы и цифровое бессмертие. Не верил... до проекта особого значения.

Я задрал голову вверх, из серого тента неба прорывались дождевые иглы. Вот оно. Ваше бессмертие. Во мне.

А Олег врал — был пробел.

Я включил режим музыки. Древнее что-то занудело и перебрало струнами. «Музыка в моей голове... ждёт, когда её вы-

ключат...». Это ж какой давности... Полтинник лет — не меньше. Нудятину грузанул Олег. Старался, гад.

Внутренний звук без карканий и скрежета. Хоть внешние динамики отключай, чтобы шум улицы не резал изнутри, не дёргал ещё непривыкшее, заводское.

Олег сказал, заменителем кожи обтянет на неделе. А смысл? Уж как есть. Как сложилось.

Толпа не смотрящих в глаза огибала меня рыбами на нересте. Мокрая улица дрожала лужами, в которых тонул и плавал неоновый свет. Я инстинктивно сделал вдох. Дождь ничем не пах. Обонятельный аут. Я обернулся на стекло витрины и увидел железного чела. Железным челом был я.

«А куда вы идете, собственно?» — задал мысленный вопрос. Внутренний вопрос. У меня теперь всё внутреннее — даже музыка. И я сам теперь не здесь — сжал кулак — не вне. Всё, что от меня осталось — в коннекторе мозга. Я есть или меня нет?

И если от меня только миллиарды нейронов и карта памяти, то есть ли во мне душа?

Чёрные в дожде дома вращались в небо и резали его пласт по ходу моих железных шагов. В одном из окон высунулась металлическая голова в розовом парике, следом показалась рука с мини-лейкой для цветка.

Эй, праведные моралисты, где вы теперь? Что скажете, глядя на этот бессмертный город, где никто не попадает к Богу, где каждый предпочел остаться здесь, в своём личном железном аду.

Сначала мне показалось, что на бордюре сидит ёж. Хотя, ежи вымерли лет двадцать назад. Но это чёрное мокрое побежало вдоль тротуара и свернуло в проулок. И за круглым телом его волочился длинный лысый червь. Я зарулил следом в арку. Безрастительный колодезный двор мрачно поддерживал связь с серым тентом неба. Дождь сюда врывался антеннами — ага, контакт есть. Сознание ещё тут. Мы ещё вгрызаемся в эти камни, в эти железки.

Ёж оказался крысой. Хвостатая крыса утонула в мусорном баке.

Что хочешь передать нам оттуда, сверху?

Хвост. Хвостик.

«Мышка бежала, хвостиком махнула...» — выползло из недр оцифрованного коннектома.

«Мышка бежала, хвостиком махнула...», — мать рассказывала.

К матери не загляну пока. Надо самому свыкнуться, прежде чем слушать вот это всё её — мокрое, слезливое, градом на меня обрушившееся.

Мышка.

Чёртова мышка. Что с ней не так? Нейроны хвостами подрагивают и ползают в голове. Грызутся на этом белом, сверкающем атомным номером десять, ненастоящим. Когтями скребутся, вгрызаются острыми зубами-лезвиями в искусственное.

В мышке настоящее. Прошлое отшлифовано, оцифровано и красивенько сделано. Сохранено. А настоящее где? Я пытался нащупать это настоящее в хвостатой мышке. Мышь была тёплой, живой, мягкой.

Я вынырнул из арки наружу. Наружу из колодца двора. А хотелось наружу дальше, вывернуться из этого всего, во что я втиснут. Сжат и нельзя сделать вдох. Я опять на инстинкте глотнул влажного воздуха и мотнул стальной головой.

Нет, не так. Без воздуха теперь, брат. Извини.

Привыкнешь, как все. Человек ко всему привыкает: в надежде сохранить своё бесценное, раздуваемое с рождения, зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное. Самые глупые свои червивые мыслишки, принимаемые за целую вселенную, вокруг которой небо нарастает и обнимает, как планету на космическом аттракционе.

И вдруг я зашагал обратно, к «Заслону». И шаги стали всё яснее, всё четче, осознаннее.

Я не осмыслен сам для себя, не осознан, в отличие от шагов.

Верните мне эту часть меня, эту мышь, юркнувшую в чёрное и недоступное для меня. В похороненное, до которого мне нужно было добраться, чтобы понять, кто я.

Железные ворота встретили карканьем, от которого я не мог сбежать.

Одноатомное излучение тянулось по всему периметру коридора тридцатого этажа. Я толкнул дверь штабника, и дверь въехала внутрь.

— Ты чего? — Олег развернулся на пластиковом стуле и отложил планшет.

— Мышь верни, — сказал я ему на ходу и влез обратно в кресло с высокой спинкой. — Давай, чего там для этого? Какой режим? «Дед инсайт»?

Олег не шевелился — сидел в той же позе, завалившись чуть набок.

— Какую мышь? — наконец выговорил он.

— Ту, которую форматнул. Это же ещё реально сделать? — Я по привычке провёл рукой по волосам — волос не было, сталь скрипнула и каркнула. — По чьему приказу? — спросил я как можно мягче — даже сам удивился, как удастся ещё держаться в этом тихом, убийственно-спокойном корпусе, мёртвом.

— Это был не приказ, — Олег шевельнулся, ожил, почесал бровь.

Я дернул подбородком, и он сказал:

— Это была просьба. Твоя.

Я молчал. Долго. На десятке висящих дисплеев мелькали подрагивающие лучи хвостатых мышей.

— Вернуть можешь? — произнёс я, видя боковым эти дразнящие хвосты.

— Ты знал, что так будет. И сказал не возвращать, даже если будешь просить.

— Бра-ат, — я помотал головой, — то не я был. То другой. Тот с мышью был. Тот знал всё. Без этого знания я — не он. Без этого я — никто, нулёвый ещё. Верни мне меня. Плевать, чё там.

Ты же не мог удалить. Я же тебя знаю. Ты ж жадный... до любой инфы.

У меня закипало всё, поднималось из грудины к горлу. А по сути там, в корпусе груди не было ничего, что могло бы ещё вскипать... По остаточной памяти отсутствующей части? И даже железные кулаки чесались, мелко, песочно. Я разжал пальцы, выпуская скопившееся, нервозное.

— Давай сюда свою голову, — пожалел Олег. — Ща всё будет.

И я провалился в утробное. Лазал в этих внутренностях, из которых было не выбраться на свет. Но я карабкался. Надо было заново себя выплеснуть. Заново принять гадкое в себе, если всё так хреново было во мне, что сам из себя выдрать захотел. И я лез в этой тьме и шарил стальными руками — проглоченный. Лазал в собственном внутреннем, в собственном исподнем — в подкожном, подмясном. В том человеческом было что-то больше меня, что всё это внутреннее выдавило из меня, заставило маленькой просьбочкой обернуться, пустячком. Пустячком, что меня от меня оторвал.

Свет прорезал заслонку. Перед глазами маячил Олег и махал руками. Голос его доносился из лунного кратера.

— Э, брат, третий раз чёт как-то тяжелее выбраться к свету, да?

Я разлепил неживой рот и сказал:

— А чё третий?

Олег щёлкнул на моем затылке у самой шеи затворкой.

— Про первый у матушки своей спросишь.

— А.

Я пошевелил корпусом, повертел головой.

— А пить с чего охота? — не понял я.

— Всё остаточное, брат.

— Оста-а-аточное, — протянул я и хотел шевельнуть бровью. — А когда всё остаточное выйдет, что в остатке-то останется? — хмыкнул.

Я не торопился рыться в остальном, я зубы заговаривал себе. Не хотелось один на один с собой оставаться. Что там у этого неизвестного меня в башке было...

— Мне как бы закругляться, братан, надо. В целом, как оно? — Олег был заботлив.

Я хлопнул его по плечу, но он согнулся.

— Не рассчитал, извиняй, — объяснил я.

— Теперь калькулятор в башке, рассчитывай.

И я шёл опять по улице. Новое наплывало на меня, накаtywало, подступало к солнечному сплетению. Но я пока не готов был всё это в себя вместить — пока комом пусть будет, неразвернутым, сжатым, как надувной матрас в дорожном рюкзаке.

«Мышка бежала, хвостиком махнула...». Кухня колыхалась — раскачивалась во мне в такт моим шагам. Кухня освещалась тускло, интимно. Разбитые яйца растекались по полу. Глядели снизу желтками.

Матрас едва-едва расправлялся в голове. Хотелось задерживать этот момент. Готов ли я к этому? Готов ли посмотреть самому себе в глаза.

Я в витринах был чужим и железным, рукотворным был, человекотворным. Заслонотворным.

На стоп-площадке нажал на кнопку остановки авиатобуса. Приближающийся авиатобус мигнул фарой, дрогнул, замерев, и вниз ко мне поплыл, по рельсам съезжая. Я забрался внутрь, на автомате сел у окна справа. Зачем сел? Ноги теперь не устают. Всесильные ноги. Но я на город смотрел, ещё не утративший ретро-прелесть петроградскую, ещё тающий шоколадными домами на слабом солнце. Солнце пробивалось заговорщиком через дыры серого тента, мелькало меж высотками, в глаза глядело: как там ваше свёрнутое — ещё хочешь во всё это с головой обратно?

Я не знал, хочу ли... ещё укладывал, сжимал скомканное. Но то, что я себя осознавал, что самого себя нащупывал в этом внутреннем, — вот это хорошо понимал. И от этого город во мне тоже подсвечивался в прошедшем дожде — как во мне мягко светилось прошедшее прошлое.

Это же, как эффект бабочки, — потеряй один байт, 8 бит — и привет — нет тебя, не складываешься в пазл.

Тент вдруг раскрылся, обнажив стеклянно переливающийся город. Голубое было над городом, ясное.

Могучая кучка истинно верующих летит в небесный рай. Свободные или заключённые? Кто более свободен из нас? И если после вашего восхождения к Богу нейронную активность без спроса на карту занести и сконнектить, что от вас останется? Затянется ли душа обратно из рая в нашу земную обитель, будет ли падать вниз в фантомное тело? Или разум без души будет безумствовать?

Надо Олеже такой проектик подкинуть — проект особого значения.

Если взглядеться в стекло окна, то можно увидеть моё отражение. Я и был тем проектом особого значения.

Я сам себя заново проектировал. А я ж дотошный до тошноты. Мне же каждую циферку необходимо в нужную клеточку вбить. И каждую линию нужной толщины прорисовать. Вручную. По-дедовски. Ещё в себя веря, в руку человека. И в разум веря. Мне же нужно не проекцию фигуры на плоскости вычертить, а объёмность прорисовать. Мне выпуклости без этой мыши хвостатой не хватало.

Кухня во мне всё ещё колыхалась. Светилась панелью конфорок. Пять уцелевших яиц шипели на сковороде друг на друга.

— Мышка бежала, хвостиком махнула... — пожала плечами Ляля, когда лоток свалился с края стола.

Ляля любила готовить сама. Она была из противниц геномного питания. Девочки... борются за полезность, вкусность. А мне, честно, лишь бы было что похава... поесть. Ляля ненавидела это слово и морщила нос.

На стоп-площадке вылез на улицу. Моя высотка была почти сразу.

В квартире всё обросло пылью. Наверное, был спёртый воздух, и я раскрыл окно, и почти скривился от каркающей улицы. Вряд ли удалось скривить стальное лицо, но мне было легче

думать мимикой. Приходилось кривиться мысленно, мысленно морщить лоб и поднимать в неверии мысленно бровь. Я теперь вообще был мысленный. Весь состоящий из разума.

А если я — мысленный, то существую ли? Насколько реально моё существование? Или это уже за гранью существования?

И если я — мысленный? То, что там, со смыслом? Есть ли во мне, и в каждом мёртвом в этом городе смысл?

Лет пятьдесят назад гранью казался тент неба. Теперь грань была уже здесь, внизу. Мы сами создали свою собственную границу.

В зеркале отражалось железное лицо. В первое мгновение, если смотреть против окна, то можно решить, что это и есть моё лицо. Только застывшее. Мёртвое.

Когда я записался в добровольцы и ушёл от Ляли, она порвала со мной окончательно. Обозвала сволочью и сказала, что не ждёт. Два года назад это было. Два грёбаных года.

Как там Олег сказал? Режим «Дед инсайда»? Да у меня он включён с того самого марта и по этот день.

Что если подождать, пока Олежа обтянет кожей? Я провёл стальной рукой по впалым щекам. Нет, пусть будет как есть. Пусть видит подкожным, подмясным, внутренним. Она умела меня видеть без этого всего.

Скомканное наполнялось воздухом, как матрас. Воздух теперь не наполнял меня, а скомканное наполняло. Распрямилось, расправилось, натянулось, упершись в стальной корпус. Как вместить всё это? Меня мало для всего этого воздушного, мышинно-человеческого.

Я и тогда в себя не вместил, когда была кожа, и мясо, и кости, и мышцы. А сейчас как?

Мать боялась, что расту без отца, что мужиком не стану. Отдавала во все подряд пацанские секции. Да я и сам дворовым больше был, чем домашним. Как коты в далёком прошлом дворовые были в этих бетонных дворах с куском неба над головой. И в добровольцы шёл, потому что дома не чуял. Сам по себе. Хотелось без этого бабского всего — привязанного, уютного,

пахнущего приготовленным, а не подогретым, замерзшим, консервированным.

Я посмотрел в стекляшки глаз, захотелось сомкнуть веки — провалиться в черноту. Я ведь испугался тогда. Всего того, что было тёплым, что наполняло изнутри и распирало. Распирало так, что дышать не нужно было, будто в меня кислород сам вбухивался и разбухал.

Мать не знала, что дворовое — это всё кажущееся. Что за кажущимся скрывается сущное, то, чего опасаться. Что безотцовщину не выковырять вот так — секциями, кулаками, рукопашными, спаррингами... Что проступает на разбухшем предательскими пятнами — нежное, уютное, боящееся.

И от матери рано съехал, чтобы сам себе. Чтобы самость ощущать. А вот самость-то не от «сам за себя», а от «сам за тебя». При таком раскладе даже мать смелее меня.

Я стоял в темноте, не сделав голосовую команду о включении света.

Форматнуть хотел это вот «прятаемое». От себя самого. Чтобы не было этого мышьего хвоста, от которого не яйца всмятку на полу, а самость всмятку, возвращаемая. Лелеемая, оберегаемая, как цветок на подоконнике у железной головы в розовом парике.

Ляля была из отчаянных — ёжик фиолетовых волос на маленькой голове, чёрные неоновые глаза, горящие всегда. Она была смелее меня и во мне слабину будто считывала: садилась ночью на край кровати и чёрными глазами вглядывалась. Руками по моему лицу водила, сканируя, распознавая.

В матери было такое же — мать знала во мне потаённое, потому и не любил, чтобы мать вмешивалась, чтобы учила.

Ляля умела наверняка. Я мог хлопнуть дверью и приоткрыть в своём — внутреннем — поджидая, как мышеловка с сыром.

Ляля умела закрывать до конца.

Вот зачем ты меня от меня спрятал. Только я на себя в этом не хочу смотреть и узнавать. Ляля сканирует умеючи. Она

меня восстановить сумеет, со всеми моими подкожными жилками. Если не возненавидела.

Она атомы, как бисер, нанизывала на волокна нервов. Кожей кожу трогала и меня с меня сдирала. В себя меня вбирая, со всеми моими страхами, комплексами, с тьмою, рассасывающей светлое во мне — детское.

В доме моём кухня раскачивалась и светилась по краям Лялькина танцующая тень. Из той кухни в интимном свете даже пахло иначе. Съедобный запах заполнял комнату чем-то коврово-мягким, диванно-расслабленным, связывающим по рукам.

И я вышел на улицу. Я за собой шёл. Я к себе шёл.

Ночь молоком белым разливалась по шоколаду домов. Сливочное любилося тайно. Сливочное было очень женским. Мне положено было любить горькое.

А Ляля была горько-сливочной. В обтягивающих белых водолазках с острыми, горькими под ними. Я её медленно ел, как деликатес. Как то, что сейчас выращивают, а не прогоняют через геномы. После неё всё пресным было, безвкусным. Не таяло жаром на языке, не впивалось горечью. Я её быстро пил. Как рюмку водки. Не очнувшись, не прочувствовав до конца. Не познав. Только опьянение резко волной накатывало и расшатывало. Как кухню сейчас качает в накопителе моей памяти.

Я стоял у её дома. Улица каркала, квакала, шаркала жестяной в динамиках. И я врубил внутреннюю музыку: «Музыка в моей голове... ждёт, когда её выключат... ночь проживём под музыку в моей голове...».

Музыка завела свое ля-ля. Ляля. Лялька. Зачем я пришёл к тебе с этим железным корпусом, как черепашка в панцире? Не добраться до мягкого.

Ввёл на панели двери рисованный код. Дверь въехала внутрь и в сторону. Путь открыт. Открыт ли?

У её двери помедлил. Что сказать в запись оповещения?

«Привет»? «Это я»?

Мог, конечно, звякнуть через встроенный смартфон, но нет. Не так всё должно быть. Надо видеть её глаза, горечью

вспыхивающие неоновой — всю её — сливочную, в водолазке обтягивающей.

Уже не страшно. Уже без самости. К вам кто пришел? Робот. Здравствуйте. В роботе его уже нет. Связь отсутствует. А он сам — там, в небе, не успели выцепить. Он к Богу ушёл, туда, куда вы рветесь в его вечное от вашего вечного. Туда, где человеческое. Где все колена дедов смотрят оттуда вниз и молчат.

Молча глядят. И от молчания этого мёртвое в городе.

Мы все оказались между. Мы все в пробеле застряли.

Дверь та же, рыжая. Неразменная. Ткнул стальным пальцем в панель оповещения, удерживая на записи и произнёс:

— Мышка бежала, хвостиком махнула.

Дверь открылась через минуту. Я отсчитывал секунды. Секундомер встроен.

— Сволочь, — сказала Ляля, заспанная, тёплая, наверное, в плюшевой старой пижаме с нарисованными котами.

Волосы фиолетовые отросли, за ушами кольцами скрутились — хвостами мышиными.

Она смотрела долго — чернотой в глаза. Не сканируя жадно по линиям лица, не задыхаясь в нарастающей белизне наших общих пробелов.

— Вот и где ты теперь? Почему не послушал меня? — сказала она тихо и заплакала.

И лицо её разделилось линиями. Можно было отсчитать сантиметры линейками внутренними, напустить цифры, чтобы не было букв, в слова складывающихся.

— Я здесь, — ответил я и положил руку на середину ее грудной клетки, туда, где предположительно находится душа.

Антонина Яхина

@antoninayakhina

ФАКТЫ

Пишет прозу и поэзию.

Регулярный участник альманах-газеты «НЕОнлайн».

Увлекается изучением теорий устройства Мироздания, что часто находит отражение в её творчестве.

О пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион» (в переводе П.Мелковой)

Небольшое отступление. Как видно из представленного обо мне факта, вопросы устройства Мироздания, включая роль и место человека (того, чем он является на самом деле) в нём, для меня играют не последнюю роль. Именно поэтому художественные произведения, попадающие в моё пространство, рассматриваются мной, прежде всего, с точки зрения глубины ответов на интересующие меня вопросы. Так произошло и с пьесой Бернарда Шоу «Пигмалион».

Впервые я услышала о «Пигмалионе» в декабре 2022, исследуя вопрос о возможности полной смены личности. А уже в феврале 2023 года обстоятельства потребовали немедленного её прочтения.

Поскольку в маминной библиотеке книги не оказалось, я обратилась в ближайшую – в библиотеку «Диалог». К моему великому счастью, пьеса нашлась, и абсолютно новенький второй том избранных произведений английского драматурга переключал на мой письменный стол.

Замечу, что при прочтении пьесы я руководствовалась методикой Мортимера Адлера, согласно которой для понимания произведения необходимо освоить три вида его прочтения: ана-

литическое, интерпретирующее и критическое. В таком порядке и представлен мой поиск ответа на поставленный выше вопрос.

Итак, передо мной пьеса «Пигмалион», обозначенная автором как роман-фантазия в пяти действиях. Само название отсылает читателя к греческому мифу, где скульптор Пигмалион создал прекрасную статую из слоновой кости, влюбился в своё творение, а затем попросил Афродиту дать ему столь же прекрасную жену. Богиня оживила статую, которая стала женой скульптора. Кажется бы, Бернард Шоу в одном названии пьесы раскрывает читателю предстоящий сюжет. На деле же название пьесы, на мой взгляд, оказалось обманчивой шуткой.

Суть пьесы заключается в следующем: профессор фонетики Генри Хигинс, заключив пари, берётся в качестве эксперимента за шесть месяцев обучить цветочницу (Элизу Дулитл) грамотной английской речи, принятой в великосветских кругах, и представить «подопытную» в качестве герцогини на приёме в посольстве. Его эксперимент венчается успехом, однако автор делает акцент на событиях, происходящих после завершения эксперимента. А они весьма и весьма интересны!

Пойдем по порядку. Пьеса состоит из пяти действий. В первом действии события разворачиваются на Ковент-Гарден (район в центре Лондона с театром, с овощным и цветочным рынками), нам представляют главных действующих лиц, завязку истории, показывают разницу социальных классов. Во втором – мы перемещаемся в кабинет Хигинса, куда приходит Элиза с желанием получить уроки английского языка для того, чтобы «быть продавщицей в цветочном магазине, а не торговать фиалками на улице». Здесь Хигинс принимает пари полковника Пикеринга. В этом же действии автор показывает нам отца Элизы, его социальное положение и мировоззрение. Третье действие посвящено первому выходу Элизы в свет после нескольких месяцев обучения. Профессор Хигинс ведёт её на приём к собственной матери. Мы видим, что Элиза научилась держать себя как леди, все слова и звуки она произносит верно. Однако содержание её речи, полной уличных жаргонизмов, говорит читателю, что эксперимент ещё не завершён. В четвёртом действии

мы снова оказываемся в кабинет Хигинса. Присутствуют профессор, полковник и Элиза. Хигинс и Пикеринг обсуждают блестяще прошедший приём. Читатель понимает, что задуманный эксперимент удался. Между Хигинсом и Элизой выходит ссора - девушка обеспокоена своим будущим. В пятом действии автор устраивает новый диалог между Хигинсом и Элизой, оставляя развязку ситуации на усмотрение читателя. А затем следует послесловие автора, которое вызвало у меня смесь возмущения и восторга!

В пьесе Бернарда Шоу я увидела несколько явно обозначенных проблем:

- классовость; реализм и необходимость её существования;
- поверхностный успех в наращивании капитала в начале 20 века;
- желание и нежелание изменений, и к чему это ведёт.

Меня особенно интересует последний пункт в свете изменения личности.

Только что мы с вами рассмотрели произведение с позиции первого (аналитического) прочтения по Адлеру. Осталось два: интерпретирующее и критическое.

В интерпретирующем чтении нам важно познакомиться с персонажами, их мыслями и чувствами, погрузиться в атмосферу произведения, увидеть то пространство, где разворачиваются события пьесы.

Персонажи произведения представлены Бернардом Шоу ярко и полно. Благодаря авторским описаниям внешнего вида героев, их репликам, все действующие лица ясно вырисовываются взору читателя.

Порой достаточно нескольких слов о герое (например, «привлекательный тип старого военного»- это полковник Пикеринг), или детального, в два абзаца, описания окружающей обстановки (например, «Подушки и парчовое покрывало на ней [*на тахте], ковёр на полу, моррисовские обои и моррисовские набивные занавеси на окнах – вот и всё убранство гостиной, но оно настолько изысканно, что его грешно было бы прятать за

нагромождением никому не нужных вещей» - это гостиная миссис Хигинс).

А реплики Элизы, сдобренные «уличными» выражениями, на фоне «высокоморального» английского общества постоянно вызывают улыбку: «фляпочки копытами перемял», «что у вас там обо мне накарякано», «таких правов», «на вашей такси», «кха, тьфу!», «не сумлевайтесь», «шляпу стибрили, тетку пришили» и пр. При этом сам автор ещё в первом действии пьесы отмечает: «Прошу прощения, но попытка воспроизвести её отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона».

В общем, если кратко: Бернарду Шоу мастерски удалось прорисовать персонажей и мир, который они населяют. При этом активные, на стыке спора и ссор диалоги прочно захватили меня и легко провели по всему сюжету произведения.

Отмечу, что я не могу отнести себя к поклонникам чтения пьес. Мой подростковый опыт самостоятельного прочтения пьесы Маяковского «Баня» оставил в голове лишь фантазмагорические картинки, не зацепив, как вид драматургии, читательские струны души.

Но пьеса Шоу мне понравилась: ясность образов, чувство юмора, резкие суждения, спорный финал. Полагаю, правила чтения Мортимера Адлера всецело этому и поспособствовали. Я читала с блокнотом, куда выписывала свои размышления по мере прочтения пьесы.

Чуть не забыла! Поставленную в пьесе проблему о возможности устранения классовых различий, автор предлагает решить путем обучения низшего класса правильной речи. Своё решение автор вкладывает в уста профессора Генри Хигинса: «..как интересно взять человека, наделить его новой речью и с помощью этой речи сделать его совершенно иным. Ведь это значит уничтожить пропасть, разделяющую классы и души людей».

Ах, каждая, каждая строчка пьесы великолепна! Хочется и дальше делиться с вами открытиями интерпретирующего чтения, но перехожу к краткому изложению критического мнения.

В критической оценке художественного произведения Адлер рекомендует опираться на красоту, а именно: определить, получили ли мы наслаждение в процессе познания произведения. Здесь мой ответ утвердителен! Произведение представляется мне целостным. Выбор автором сцен для постановки проблем и для освещения своей позиции относительно этих проблем – идеален. История, рассказанная Бернардом Шоу, обладает художественной реалистичностью.

Пьеса заставляет задуматься о многих вещах, рассуждения о которых не приняты в нашем повседневном общении. Вот эта фраза Хиггинса – «Да и вообще, кто из нас понимает, что делает? Мы бы никогда ничего не сделали, если бы понимали, что делаем» - представляется мне в высшей степени прекрасной! Это удар в «яблочко», если брать во внимание позицию, что всё есть сознание, а человек – инструмент для познания этим единым сознанием опыта ограниченности. Восторг!

Пьеса определённо вызывает эмоции, а послесловие автора, как я обозначала выше, целый коктейль эмоциональных противоположностей!

Мир, созданный Шоу в пьесе «Пигмалион» прописан очень сочно, в него хочется нырнуть, даже несмотря на те проблемы, которые там существуют. И это есть писательское мастерство!

Здесь же хочу упомянуть об экранизации пьесы. Мюзикл «Моя прекрасная леди» 1964 года с Одри Хепберн в главной роли восхищает игрой актёров. Крики Элизы в начале фильма, соответствующие описанному в пьесе звукам, которые постоянно произносила цветочница, очень противны! Казалось бы, такое милое существо как Одри не могло издавать таких противных звуков, но Одри могла всё, при этом отлично вписываясь в каноны американского кинематографа своего времени.

Вот в таком сжатом виде мы с вами осилили интерпретирующее и критическое прочтение пьесы «Пигмалион». И это я ещё не озвучила те спорные аспекты, которые увидела в вопросе любовной линии! Однако разбор любовной линии оставляю на ваше самостоятельное изучение, а здесь, на примере Элизы и

Элфрида Дулитлов, рассмотрю интересующий меня вопрос о возможности кардинального изменения личности.

Напомню, Элиза Дулитл – главная героиня пьесы, цветочница. Элфрид Дулитл – второстепенный герой, отец Элизы, мусорщик. По мере развития событий пьесы оба героя попадают в более высокую прослойку общества, нежели той, в которой находились в начале произведения.

Как им это удалось?

Прежде, чем поразмышлять над ответом на этот вопрос, замечу следующее. Зачастую писатели говорят, что идея произведения пришла к ним. Откуда? Подразумевается, что сверху. Я придерживаюсь аналогичного мнения: идея приходит сверху (из источника, Вселенной, от Бога, Высшего разума... Названий много - суть одна). Писатель в данном случае выступает неким рупором, озвучивающим послания свыше. В зависимости от того, кто принимает эти послания, произведение трактуется по-разному. Каждый из нас видит мир согласно параметрам своего кругозора.

Меня интересует механизм кардинального изменения личности.

Есть мнение, что для запуска изменений в жизни человека достаточно его желания. Было ли у Элизы желание изменить своё положение, улучшить его? Да. Бернард Шоу раскрывает нам это желание через слова и поступки героини.

Уже в первом действии пьесы автор даёт нам первый звонок о желании Элизы лучшей жизни: «Цветочница (величественно): Не беспокойтесь, молодой человек. На вашей такси поеду домой я». Во-первых, это показывает нам, что у героини есть представление о поведении лиц, обладающих деньгами; во-вторых, получив деньги (равно возможность), она тут же использует их: едет домой на такси. Она позволяет себе лучшее из возможного! Тут же!

Во втором действии Элиза явно озвучивает своё желание изменений: «Я хочу быть продавщицей в цветочном магазине, а не торговать фиалками на углу...». Более того, до дома профессора Хигинса она приезжает «в полном параде» и на такси. Ей

важно, чтобы профессор заметил это: «Вы сказали ему, что я приехала на такси?», а также садиться на стул только тогда, когда полковник Пикеринг просит её об этом с изысканной вежливостью. Заметьте: садится, не тогда, когда Хигинс повелительно говорит ей: «Сядьте!» или миссис Пирс (экономка профессора) строго говорит ей: «Садитесь, моя милая». Нет! Элиза садится только после вежливой просьбы Пикеринга: «Не присядите ли?» Таким образом, мы видим, что Элиза выдерживает роль важной дамы даже в мелочах.

Кстати, интересный нюанс с птичьей клеткой. Когда профессор согласился обучить Элизу правильной речи и определил, что она будет проживать в его доме, Элиза послала мальчонка (сына своей квартирной хозяйки) забрать её вещи из съёмной квартиры. В составе немногочисленных вещей числилась птичья клетка. Автор только упоминает о ней. Я вижу за этим упоминанием два момента. Первый – Элиза старалась окружить себя вещами, положенным богатым дамам (богатые дамы в оранжереях держали канареек в клетках). Второй – символизм её освобождения. Клетка, как напоминание Элизе о том, что она свободна, находится снаружи клетки; напоминание о том, что она может вырваться из нищеты.

Но почему, обладая внутренне таким большим желанием изменений, Элиза до сих пор оставалась на прежнем уровне? Причину я вижу в её противоречивом убеждении, которое Элиза постоянно повторяет в разговоре с людьми: я - девушка бедная.

Таким образом, напрашивается вывод, что понимание лучшей жизни и попытки ей соответствовать через внешние атрибуты не является достаточным основанием для изменений личности. **ОТСУТСТВИЕ ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА** (в данном случае убеждения Элизы в её бедности) – вот важное условие изменений.

Важность отсутствия внутренних противоречий демонстрирует нам история превращения отца Элизы. В противовес Элизе у Элфрида Дулитла нет явного желания улучшения своей жизни. Он работает мусорщиком, «заливает за галстук» и находит свою жизнь счастливой. Это подтверждает ответ Дулитла во

втором действии пьесы на предложение Хигинса дать ему (мусорщику) не пять фунтов, как он просил, а десять: «Десять фунтов – большие деньги; заведутся они, и человек становится расчетливым, а тогда прощай счастье!» Элфрид четко понимает, чего он хочет ПРЯМО СЕЙЧАС: «Нет, дайте мне столько, сколько я прошу, хозяин, - ни больше ни меньше.» При этом, когда автор знакомит читателей с отцом Элизы, он делает важное замечание: «У него на редкость выразительный голос – результат привычки давать волю своим чувствам».

Таким образом, я вижу, что отец Элизы обладает ещё одним важным условием для свершения изменений: он не скрывает свои чувства и проявляет их в тот самый момент, когда они у него возникают. Дулитл ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ В МИР НАСТОЯЩЕГО! Плюс он не тратит свою энергию на далёкие мечтания о будущем. Элфрид четко понимает, чего ему хочется в настоящий момент. Именно это делает его счастливым.

Возвращаясь к Элизе, мы видим, что одной правильной речи не хватает для того, чтобы быть принятой в светском обществе. В третьем действии, на приёме у миссис Хигинс – матери профессора, Элиза произносит все звуки верно, однако её речь все ещё наполнена уличным жаргоном. В четвёртом действии мы видим прогресс: после успешного приёма в посольстве в ссоре с Хигинсом Элиза уже не может использовать бранные слова – содержание её речи изменилось. Мы радуемся её триумфу, однако в пятом действии неожиданно замечаем, что изменения не коснулись её глубинных привычек: при неожиданной встрече с отцом она издаёт противные звуки, как и в самом начале пьесы! Важно, что профессор Хигинс предрёк это: «Без меня она через три недели скатится обратно на дно».

Таким образом, мы видим, что для устойчивого прогресса изменения личности окружение играет не последнюю роль! Об этом нам говорит и сама Элиза: «Видите ли, разница между леди и цветочницей заключается не только в умении одеваться и правильно говорить – этому можно научить, и даже не в манере вести себя, а в том, как себя ведут с ними окружающие».

Опять мы можем сделать вывод, что правильное окружение для изменения личности является важным условием. При этом – обращаю внимание – внешним условием. Является ли данный вывод истинным? Относительно, да. Почему относительно? Потому что «лёгкий» путь внешних изменений «омрачает» пример Элфрида Дулитла.

Элфрид не мечтал о лучшей жизни. Кажется, что он стал богатым (один американец оставил ему по завещанию три тысячи годового дохода при условии чтения Дулитлом лекций шесть раз в год!) только благодаря стечению обстоятельств: Хигинс написал этому американцу ради шутки, что мусорщик Дулитл – самый оригинальный моралист во всей Англии. В послесловии автор объясняет успех Дулитла в обществе демагогическом талантом, «восторжествовавшему над всеми предрассудками и всеми невыгодами его положения». Элфрид Дулитл перепрыгнул класс буржуазии и «угодил в высшие слои за счет своей смекалки, профессии мусорщика (которую он выставял, как знамя) и нищенской позиции вне добра и зла».

Я же вижу здесь совсем другое объяснение. В пятом действии, когда Дулитл сетует на то, что разбогател и потерял таким образом свою свободу и счастье, автор отмечает два важных момента. Во-первых, Элфрид Дулитл принимает то, что с ним происходит (завещание, объявление кучи родственников, которых теперь приходится содержать, чтение лекций). Во-вторых, на предложение миссис Хигинс отказаться от наследства, Дулитл честно признаётся, что боится нищенской старости в случае отказа. Он осознаёт свои чувства и то, что с ним произошло: «Запуган я, мэм. Сдаться решил. Меня купили». Вот оно – опять ясный взгляд на себя, смелость выражения своих чувств! А самое главное, Дулитл признает и принимает и светлую, и тёмную стороны своей личности. На вопрос профессора, честный он человек или мошенник, Дулитл кротко отвечает: «И того и другого есть понемногу. Как каждый из нас, Генри».

Таким образом, вот это внутреннее состояние Элфрида Дулитла – принятие происходящего и себя в этом происходящем таким как есть, проявление себя в мир настоящего, сосре-

доточение на своих истинных желаниях в моменте Сейчас – позволило Дулитлу без каких-либо целенаправленных внешних усилий попасть на высокий уровень влияния! Желал ли он попасть туда? Нет. Но тогда кому это было нужно? Полагаю, тому самому верху (источнику, Вселенной, Богу, Высшему разуму... Названий много - суть одна.). Милость, данная свыше, позволила Дулитлу, как чистому инструменту (чистому в плане проявления себя, принятия всего) попасть в прохождение опыта жизни в высших слоях общества, наравне с теми, кто влияет на события мира. И - внимание! – глубинные настройки Дулитла, точно также как и у Элизы, не поменялись! Однако какой разный результат внешнего действия (Элиза) и позиции «достаточно просто быть» (Элфрид). Потрясающе! И всё так доступно! Это объяснение доступно с 1912 года!

Поэтому для меня пьеса «Пигмалион» - это ключ к пониманию себя и ответ на вопрос, возможно ли кардинально изменить свою личность.

Благодарю за внимание и желаю вам приятного прочтения «Пигмалиона»!

Альманах-газета «НЕОнлайн».
Выпуск 2(21). Март-апрель 2023 года

Издание выходит шесть раз в год

Молодёжное Амурское Литературное Объединение
Совет Молодых Литераторов Союза писателей России

e– mail: mail@amurpoet.ru
<http://amurpoet.ru>

Художник: Екатерина Лобунько
VK: @public216245301

«Весеннее настроение». Материалы: маркеры, бумага

«Натюрморт с медным чайником». Материалы: маркеры, бумага

Дизајн обложки: *Екатерина Лобуњко*

